

Тупой толпы неловкий комплимент...

Алина Витухновская на Страстном

Независимая - 2004 - 29
948-02 - (Публикация)

22 января в Чеховском центре, что на Страстном бульваре, состоялся творческий вечер Алины Витухновской. К началу вечера актовый зал был заполнен собравшимися поклонниками творчества Алины. В зале присутствовали поэты Михаил Бузник, Константин Кедров, Алексей Рафиев и другие. В буфете шло обсуждение богемной жизни, последних событий вокруг книжного магазина «Фаланстер», где накануне милицией была сорвана презентация книги «Последние пионеры» (М.: «Ультра.Культура», 2003), в которой, в том числе, опубликованы и стихи Алины.

Вечер открыл поэт Константин Кедров, выпустивший с Алиной Витухновской совместные сборники «Земля Нуля» и «Собака Павлова» и попытавшийся охарактеризовать стихи Алины. Сделать это непросто, поскольку то, что пишет Алина, не подпадает под какие-либо характеристики ввиду предельной метафизичности и невозможности сопоставления с иными литературными образцами. «Уничтожение Реальности», декларируемое Алиной, предполагает и уничтожение литературы, как дела, мягко говоря, неблагоприятного. Посему отдадим должное Константину Кедрову, нашедшему нужные слова: «Алина – самая яркая, самая трагическая, самая неординарная поэтесса 1990-х годов и начала XXI века. Достоевский подарил русскому языку слово «стушеваться» (из обихода инженерной академии, где он учился). Витухновская ввела в речь слово «зацементеть». Никто так не чувствует живого языка, как она. Одной из первых она заговорила анаграммным стихом:

*Только не умри лиса, умри лиса.
Но и умри лиса умри лиса
и сам умри и сам умри.*

А как свободно и естественно владеет она новым словообразованием («под дивный Вальсатор Дали»), как органично и плавно слово «будущее» преобразуется в «дубущее»? Казалось бы, раскрученный до банальности брэнд «Черного квадрата» пре-

образуется в ее стихе в нечто неожиданное и новое: «сумасшедший куратор... Ты повесил вместо квадрата Малевича».

Ее открытия часто перехватываются на корню. Так Олег Кулик перехватил у Алины архетипический образ-проект «Собаки Павлова», когда голый в ошейнике бросался на прохожих. Архетип Собаки Павлова – знак и символ экспериментов, которые проделываются над человеком и которые сама Алина проделывает над собой в стремлении победить реальность и утвердить «метафизику себя». И правильно! Метафизика себя – единственно возможная для поэзии.

Алину можно вписать в любое из направлений: постмодернизм, концептуализм и даже метаметафоризм, но сама она не вписывается даже в саму себя».

Тут на сцене появилась и сама Витухновская. В только ей присущей манере она начала чтение:

*Промолчу как безымянный
зверь.*

*Чтоб узнать, что у меня
внутри,*

*Разложи меня как тряпочку
в траве*

И скажи: «Умри лиса, умри».

Тихий голос, заставляющий прислушиваться. Улыбка Сфинкса. Белоснежка в готическом платье. На грани какого сверхче-

ловческого напряжения возможно постижение ее послания: «Я сакральная суть хакари Юкио Мисимы».

Публика была явно растрожена. Но вопросы, задаваемые Алине, по сути, не имели смысла. «Как вы относитесь к насилию?» «Осознаете ли вы себя деструктивной личностью?» Своими ответами Алина еще больше озадачивала собравшихся.

Реальность в очередной раз потерпела поражение. Подбитая, она скрылась в каком-то заснеженном московском переулке: «Слов больше нет. Остался только гул».

■ Сергей Яшин

Витухновская уничтожает реальность.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

